

РЕЧЕВАЯ ПРЕСУПОЗИЦИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫМИ ЧАСТИЦАМИ¹

И.А. Нагорный

Белгородский
государственный
университет

e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru

Установление пресуппозитивного статуса русских предположительных частиц в предложении. Описание семантической структуры предложений с предположительными частицами. Речевая пресуппозиция в предложениях с частицами.

Ключевые слова: квалификация, ментальная операция, пресуппозиция, диктум, модус

Квалификация высказываемого – универсальная ментальная операция. Как универсальная, данная операция оказывается, с одной стороны, характерной для субъекта вообще, вне зависимости от принадлежности к тому или иному этносу. С другой стороны, универсальность ментальных операций интегрируется со специфичностью средств выражения в языковом аспекте. Национальный менталитет вырабатывает оригинальные языковые и внеязыковые формы, средства и способы субъективной квалификации сообщаемого. Языковые и внеязыковые факторы систематизируются в национальных языковых картинах мира и представляют собой упорядоченную сферу с четко проявленным ядром и периферией.

Квалификативный аспект явился одной из причин обращения к предложениям с предположительными частицами (*едва ли, вряд ли, чай, авось, небось, вроде, словно, точно, разве, неужели, якобы, дескать* и т.п.). Другой причиной явилась яркая субъективность таких предложений, обязательное формальное представление авторской точки зрения, позиции говорящего: *Но отослать его к отцам едва ль приятно будет вам (А.Пушкин); Мы, видишь ли, народ молодой! Авось и германцы-то не старше... (И.Бунин); На его место назначен как будто бы Томский (К.Чуковский); Сижу – вроде думаю, а вот так спроси – не знаю, о чем (В.Шукшин)*. Определение роли, которая отводится формальным средствам – вербализаторам “точки зрения” – в семантической структуре предложения, установление способов влияния субъективного на объективное в предложении оказывается важным для выявления особенностей соотношения высказываемого с действительностью. Интерес к предложениям с субъективно-модальными квалификаторами обусловлен ярким диссонансом между структурно-модельным и семантико-прагматическим статусом служебного элемента в предложении. Необходимость рассмотрения этого сложного вопроса подтверждает тот факт, что служебные слова – общность функциональная, грамматическая. Структурная факультативность, обусловленная морфологическим статусом служебного слова, грамматикализованность значения отнюдь не мешает служебному слову быть синтаксически емким, выполнять в предложении-высказывании целый комплекс разноаспектных функций. Проследить причины, лежащие в основе этого интересного явления, – одна из задач данной статьи.

Анализ семантической структуры предложения должен отталкиваться от того, что понимается под данным термином. Уточним, что за основу нами взято широкое понимание семантической структуры, куда включается совокупность абстрактно-грамматических и частных значений предложения. Функциональный подход заставил отказаться от узкого понимания указанного термина, предлагаемого в ряде работ [1;2]. При таком понимании из семантической структуры исключаются общеграмматические значения предложения – предикативность, реализуемая в категориях модальности, темпоральности и персональности, а также конкретное информативное

¹ Работа выполнена при поддержке внутривузовского гранта Белгородского государственного университета.

содержание высказывания. Функциональный подход заставляет взглянуть на семантическую структуру с иной точки зрения, где актуальными оказываются те параметры, которые часто оказываются вне внимания исследователей при описании предложения исключительно со стороны способов вербализации объективной части смысла, формально представленной в пропозитивной модели события. Анализ предложений с предположительными частицами убеждает, что субъективно-модальные квалификаторы, не являясь ядерными элементами семантической структуры, активно участвуют в ее уточнении, обслуживании, а иногда и формировании, в результате чего достаточно сильно трансформируют смысловое поле предложения субъективными характеристиками, выступая в роли не факультативных, а обязательных в смысловом аспекте элементов.

Широкое толкование термина «семантическая структура» дает возможность вести речь не только о семантической структуре *предложения*, к которой причисляются пропозиция и модальная рамка как модельные, предложенческие сущности, а о семантической структуре *высказывания*, понимаемой более объемно. В последнюю наряду с вышеуказанными компонентами включаются компоненты пресуппозитивного и околопропозитивного слоев диктума, принимающие непосредственное участие в создании широкого информативного фона высказывания (как речевой реализации предложения) и соотносенные между собой не только в моделиобразующем, но и в прагматическом аспекте. Данные компоненты являются выразителями особых смыслов, которые так или иначе соотносятся с модельными смыслами, реализуемыми пропозицией. Такие смыслы существенно конкретизируют объективные смыслы, соотносят их с говорящим, «проявляют» его позицию, работают на коммуникативную перспективу высказывания. Они важны для высказывания, так как выражают его субъективность, авторство, что для речевого образования является определяющим.

Известно, что облигаторными содержательными компонентами семантической структуры являются диктум и модус. Данная оппозиция характерна для предложения, о чем неоднократно и подробно говорилось в лингвистических исследованиях [3;4;5;6;7;8;9;10;11;12;13;14;15].

Диктум и модус являются иерархическими образованиями, имеют сложную структуру и включают ряд обязательных и необязательных (факультативных) компонентов [15]. Будучи противопоставленными, диктум и модус не являются тем не менее чуждыми друг другу в едином семантическом пространстве предложения. Их взаимообусловленность закономерна. Проблема состоит в том, что диктум и модус являются все же относительно самостоятельными величинами, соотносенными в качестве объективного и субъективного слоев смысла, т.е. оппозиционными сущностями. Противопоставленность диктума и модуса обусловлена противоположностью внешнего мира и человека, среды и субъекта. Однако на этом же базируется и их внутреннее единство, так как предложение (высказывание), в котором диктум и модус находят свое выражение, всегда является авторским построением, «пропущенным» через личность говорящего. При этом субъективная информативность данного построения объективно обусловлена, базируется на «внешней», объективной информативности.

Отмеченные нюансы должны быть обязательно учтены при анализе предложений-высказываний с предположительными частицами. Данные языково-речевые построения интересны в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс, который может быть условно обозначен как снятие четкой противопоставленности диктума и модуса.

В предложениях-высказываниях с предположительными частицами объективная и субъективная части смысла приближены друг к другу, представляют собой синтез двух автономных единств. Диктум при помощи модального квалификатора как бы «притягивается» к модусу, используется для нужд модуса, в результате чего субъективные смыслы внедряются в объективную часть – диктум, трансформируя и усложняя его смысловую структуру.

Данный процесс сложен и противоречив. В нем задействовано множество факторов как грамматического, так и иного, прежде всего прагматического плана. Они нередко пересекаются, поэтому сложно провести их строгую дифференциацию.

Однако там, где это возможно, разграничение объективного и субъективного в смысле предложения должно иметь место. Это объяснимо, поскольку в большинстве случаев дифференциация номинации события и ее субъективной квалификации остается актуальной задачей.

В предложениях-высказываниях с предположительными частицами четко прослеживается линия на снятие противопоставленности между модусным и диктумным смысловыми слоями. Предположительные частицы как элементы модуса актуализируют здесь элементы диктума посредством трансформации полей пропозитивно значимых элементов, в первую очередь предиката. Модусные смыслы, вводимые субъективно-модальными квалификаторами, в ряде случаев подчиняют себе объективные смыслы, которые используются в этом случае не столько для репрезентации события как такового, сколько в качестве смысловой базы, на основе которой реализуется модальная квалификация события, происходит его прагматическая ориентация: *Авось, бог даст, распогодится (И.Бунин); Описывать его обыкновенную наружность едва ли и следует (А.Чехов); Вряд ли Шебалов станет держать попову сторону (А.Гайдар).*

Однако было бы ошибкой утверждать, что предположительные частицы актуализируют в высказывании исключительно модусные смыслы. В анализируемых языково-речевых образованиях, кроме диктумного и модусного слоев, выделяется особый слой смысла, который не является, с одной стороны, принадлежностью модуса, а с другой стороны, не включается в число собственно пропозитивных, диктумных смыслов.

Рассмотрим данную проблему более детально. Известно, что диктумная, объективная часть смысла предложения членится на два слоя: один принадлежит собственно пропозиции, другой сосредоточен на актуализации условий, которые лежат в основе развертывания первого слоя. Речь здесь идет о так называемом пресуппозитивном смысле, наличие которого в высказывании обязательно [16;17].

Исследователями неоднократно указывалось на то, что пресуппозиция имеет понятийную, логическую природу. Логическое понятие пресуппозиции было определено Г.Фреге, который понимал под ней условия, способствующие тому, чтобы предложение правильно понималось [18]. Истинность или ложность пресуппозиции сама является условием истинности или ложности предложения. Ложная пресуппозиция в этом случае мыслится либо как основа метафорического переосмысления предложения, либо как фактор нелингвистичности его смысла. В конечном итоге, логическая пресуппозиция – это условия, существование которых позволяет трактовать суждение как истинное или ложное.

Лингвистическое толкование пресуппозиции основывается на том, что последняя представляет собой имплицитный уровень объективного предложенческого смысла. Данный уровень обязателен для образования предложений, в связи с чем ему придается лингвистический статус. Выделение лингвистических пресуппозиций предполагает обозначение какого-то исходного события, которое является условием возникновения другого события, воплощенного в конкретной, реализуемой в предложении пропозиции.

Логический и лингвистический подходы к определению сущности пресуппозиции достаточно обоснованы. Действительно, с одной стороны, пресуппозиции могут быть отнесены к сфере логики, к сфере ментального, но с другой стороны, они – соотносимые с языком явления, так как находят проявление в языке, связаны с формой предложения.

Согласно еще одному подходу под условиями понимаются внеречевые факторы, к которым, например, относятся время, место, ситуация, т.е. факторы, так или иначе связанные с участниками коммуникативного акта [19]. Данная точка зрения соотносится с коммуникативным аспектом рассмотрения пресуппозиций. Актуальной при данном подходе становится задача дифференциации пресуппозиций на собственно языковые (лингвистические) и речевые. В последнем случае под пресуппозицией понимается использование говорящим и слушающим части «фонда общих

знаний» для достижения конкретной поставленной цели речевого общения. От степени владения говорящим и адресатом пресуппозицией зависит структура речевого высказывания, использование тех или иных средств выражения, избирательность при использовании пресуппозиции. Речевая пресуппозиция соотносена с истинным знанием, однако опосредованно – через обозначение предусловий, явившихся причиной квалификации события. Субъективная квалификация события, таким образом, является для речевой пресуппозиции главным и неизменным фактором.

Соотнося данные проблемы с темой нашего описания, заметим, что указание на существование предусловий, так или иначе влияющих на возможность осуществления ситуации в действительности, является важной функцией предположительных частиц.

Понятия пресуппозиции и предусловий находятся между собой в тесных, однако не тождественных отношениях. Общее заключается в том, что и пресуппозиция, и предусловия включаются как составляющие в объективный слой смысла предложения. И те и другие фигурируют имплицитно, в основе содержат указание на условия, которые так или иначе связаны со способом представления ситуации.

Однако имеются и существенные отличия. Если пресуппозицией являются условия, выдерживающие критерий проверки отрицанием (Ср.: *Он поехал в деревню – Он не поехал в деревню*, где пресуппозиции «существует деревня», «существует средство передвижения» – стабильны), то предусловие следует понимать как причину, которая явилась поводом для построения предложения и которая не может быть экспериментально проверена отрицанием. Данный критерий служит фактором, подтверждающим предположение относительно того, что русские модальные частицы не могут быть отнесены к знакам, фиксирующим логические и лингвистические пресуппозиции. Смыслы, актуализируемые данными частицами, проверки критерием отрицания не выдерживают. Результат преобразования таких предложений в отрицательные, доказывает, что смыслы, вводимые частицами, не могут быть охарактеризованы в языковом аспекте как пресуппозитивные. Отрицание не затрагивает их. В конструктах *Небось он там был – Небось его там не было; Ты, чай, слышал об этом – Ты, чай, не слышал об этом; Вряд ли он способен на это – Вряд ли он не способен на это* выделяются пресуппозиции «он есть», «имеется нечто», которые при введении отрицания сохраняются. Смысл же, реализуемый частицей, является смыслом не собственно пресуппозитивного, а какого-то иного, хотя тоже имплицитного свойства. Частица в данном случае – это «след» фоновых знаний говорящего относительно причины, породившей предложение-высказывание, показатель внеречевых условий, которые делают актуальной попытку установления его истинности/ложности.

Так как пресуппозиция – это компонент смысла, который должен быть истинным для того, чтобы предложение-высказывание не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте, то критерий соответствия истинности/ложности является для пресуппозиции обязательным критерием. Для предусловий критерий истинности/ложности также важен, однако в ином аспекте. Предусловия не могут осознаваться как истинные или ложные для того, чтобы предложение-высказывание могло соответствовать какому-то из истинностных значений. Это прерогатива логической или лингвистической пресуппозиции. Предусловия же всегда могут только быть, и их наличие – это, в нашем случае, повод для создания модально-кваликативного высказывания. Модально-предположительные квалификаторы, в том числе частицы, выражают только одну абсолютно истинную мысль – «я так считаю», которая не может быть расценена как имеющая прямое отношение к логической или лингвистической пресуппозиции. Эта мысль есть указание на предусловия, на существование причины, заставляющей говорящего актуализировать свою точку зрения при помощи ввода формального средства. Предположение, сомнение и другие кваликативные смыслы под влиянием этих условий не перерастают в констатационные именно потому, что имеются обстоятельства, определенным образом препятствующие этому, и говорящий в той или иной степени допускает возможность существования таких обстоятельств в действительности.

При наличии предположительной частицы в составе предложения-высказывания какая-то часть из логических пресуппозиций уже не может быть одно-

значно определена по критерию «истина/ложь», так как их частично «затемняют» предусловия, на существование которых указывает модальный квалификатор. Суждение об истинности/ложности ситуации является здесь не принадлежностью смысла логической пресуппозиции, а включает в содержание самого предложения-высказывания, которое выражает относительно-истинное суждение, нуждающееся в перспективной коррекции по критерию «истина/ложь». Анализ высказываний с предположительными частицами подводит к мысли, что относительно истинное суждение есть результат существования предусловий, явившихся первопричиной модально-предположительной квалификации события.

В предложении *Шуйский. ...Весть важная! И если до народа Она дойдет, то быть грозе великой. Пушкин. Такой грозе, что **вряд** царю Борису Сдержат венец на умной голове (А.Пушкин)* отношения между пресуппозицией и предусловиями развиваются здесь следующим образом. В действительности имеется какое-то событие, зафиксированное исходной пресуппозицией. Обычно это экзистенциальная пресуппозиция, в данном случае – «Борис – царь». Экзистенциальная пресуппозиция лежит в основе развития логических пресуппозиций «царь владеет неограниченной властью», «если субъект царь, то он владеет неограниченной властью». Кроме того, в предложении имеется указание на предусловия – частица **вряд**. Данные предусловия не позволяют однозначно охарактеризовать логические пресуппозиции как истинные или ложные на данный момент, т.е. представить их в качестве базовых для установления истинности/ложности конечного результата какого-то конкретного события: «имеется нечто, что может осложнить отношения Бориса и народа», «положение Бориса на троне непрочное». Предусловия в высказываниях с предположительными частицами не развернуты, но на факт их существования указывает формальное средство. Актуализируемые частицей условия – внеязыковые, логического плана, однако получающие знаковую (индексальную) репрезентацию на языковом уровне.

Предусловия составляют смысловую основу особой пресуппозиции – речевой. Кроме предусловий в данную пресуппозицию включаются лингвистические знания участников речевого акта, представления их о мире, экстралингвистические факторы, межличностные отношения, в которых находятся между собой говорящий и адресат, гарантирующие уместность и понятность высказывания. Речевая пресуппозиция обязательна для высказывания. Модально-предположительный квалификатор через обозначение факта наличия предусловий функционирует в качестве одного из ее репрезентаторов в контексте языково-речевого образования. Он соотносит высказывание с внеречевыми знаниями (пресуппозитивным фондом) говорящего.

Любая пресуппозиция – это условия. Не исключение в этом плане и речевая пресуппозиция. Условия речевой пресуппозиции являются основой для уместности выбранной структуры высказывания, эффективности воплощения коммуникативных интенций говорящего, правильного понимания высказывания адресатом. Строя модально-квалификативное высказывание, говорящий стремится удовлетворить эти условия для правильного истолкования адресатом своей точки зрения.

В высказывании фактом введения частицы подтверждается указание на то, что имеется общая тема речевого общения, которая, по мнению говорящего, важна как для него, так и для адресата. Именно это способствует модальной квалификации события, т.е. попытке «донести» говорящим собственную точку зрения до адресата, показать ему ее значимость. Адресат, в свою очередь, должен владеть комплексом пресуппозитивных знаний, которые позволили бы ему правильно воспринять предлагаемую квалификацию события. Именно этот набор знаний и определяет критерий уместности применяемой говорящим модальной квалификации. В основе данного критерия находится принцип понятности, которому должно соответствовать речевое высказывание.

Речевая пресуппозиция в высказываниях с предположительными частицами рассчитана на то, что адресат окажется способным соотнести известные факты с предлагаемой модальной квалификацией и «переложить» это на уже известную ситуацию через ее моделирование на пресуппозитивном уровне. При несоответствии высказывания принципу понятности речевая пресуппозиция останется не восприня-

той адресатом, что повлечет за собой невыполнение говорящим его коммуникативной задачи, которой было подчинено создание модально-квалификативного высказывания, – речевому воздействию на адресата.

Для адресата частица является знаком пресуппозитивного знания говорящего, знаком того, что говорящий обладает какой-то частью такого знания (во всяком случае – хотя бы только знанием факта наличия предусловий, могущих повлиять на результат осуществления события), знаком того, что говорящий оперирует своим знанием в интересах успешности коммуникативного акта: (Ср.: *-Пусть вратарем будет Олег, – решили все. -Вряд ли он придет сегодня, – сказал Антон (Г.Соколова)*).

В высказываниях с предположительными частицами речевая пресуппозиция, как система предварительных знаний коммуникантов о предмете речи, проявляется в качестве смысловой основы итогового допущения более одного возможного результата. Данное допущение характеризуется как условное предварительное «соглашение» между говорящим и адресатом. Адресат, по мнению говорящего, либо не обладает необходимым объемом знаний о предусловиях осуществления ситуации (и поэтому не в состоянии судить о правильности примененной квалификации события), либо обладает таким объемом знаний, но в этом случае модальная квалификация, примененная говорящим, должна показать адресату, что существует какая-то причина (о которой, возможно, тот не знает), обусловившая именно такой способ представления события.

В идеале интенция говорящего должна совпасть с интенцией адресата. Только тогда модальная квалификация события будет воспринята адресатом так, как это необходимо говорящему. Последнее базируется на правильном понимании речевой пресуппозиции, включающей владение информацией об условиях осуществления или неосуществления ситуации в действительности. Речевая же пресуппозиция перцептивируется через формальные средства ее экспликации в структуре предложения. Таким образом, в процессе речемыслительной деятельности и говорящий, и адресат оперируют модальными частицами как знаками речевых пресуппозитивных отношений.

Предложения-высказывания с предположительными частицами – языково-речевые образования, поэтому естественным оказывается тот факт, что перспективное развитие получают здесь пресуппозиции, обусловленные коммуникативным заданием говорящего. Это не значит, что другие пресуппозиции перестают выделяться в семантической структуре предложения-высказывания. Однако их ранг существенно снижен по сравнению с рангом речевой пресуппозиции, которая является здесь главной, ведущей пресуппозицией. Для говорящего на данном этапе речевого общения наиболее существенным оказывается не столько обозначить событие как таковое, сколько сориентировать адресата на актуальную пресуппозицию, важную (с точки зрения говорящего) для успешности выполнения коммуникативного задания. В этом аспекте неречевые пресуппозиции отодвигаются на второй план, как бы «затемняются», подчиняются речевой пресуппозиции. Последняя позволяет это сделать, так как использование субъективно-модального квалификатора налагает ряд требований к объему фонда знаний адресата. Предполагается, что адресат в какой-то мере ориентирован на имеющие место в высказывании логические и лингвистические пресуппозиции, оперирует (или имеет возможность оперировать) ими. Предположительные частицы ориентируют адресата на то, какую из множества пресуппозиций необходимо использовать для правильной перцептации информации. В высказываниях с предположительными частицами это речевая пресуппозиция. Таким образом, рассматриваемые частицы – элементы, «проявляющие» главную для речевого акта на данный момент времени («здесь» и «сейчас») пресуппозицию, обусловленную коммуникативным заданием говорящего. Включение предложений в модальную парадигму в данном случае представляется обусловленным дифференциацией тех пресуппозиций, которые не могут быть истолкованы «здесь» и «сейчас» ни как истинные, ни как ложные. Предположительная квалификация фокусирует в себе значимые компоненты совокупного смысла, реализуемого в предложении. Коммуникативный «фокус», концентрирующий в себе коннотативные (но не модельные) смыслы,

выдвигается как ведущий фактор квалификации события, прагматически и превентивно сориентированный говорящим.

Итак, предположительные частицы репрезентируют в высказывании особый уровень смысла – указывают на существование в действительности предусловий (причин), способствующих или препятствующих осуществлению события в действительности. Данные предусловия – стимул к зарождению модально-квалификативного высказывания. Смысл, актуализируемый частицами, самостоятелен, отличен от смысла, актуализируемого лингвистическими и логическими пресуппозициями. Он объективен по сути, не является принадлежностью модуса, хотя и соотносится с ним. Указанный смысл необходимо рассматривать как один из факторов сближения объективного и субъективного в высказывании. В этом аспекте предположительные частицы – элементы, снимающие четкую противопоставленность диктума и модуса.

Отмеченный уровень смысла является одним из составляющих речевой пресуппозиции. Последняя стабильно проявляется в высказываниях с предположительными частицами. Речевая пресуппозиция характеризуется здесь как ведущая в коммуникативном аспекте, концентрирующая в своем семантическом поле комплекс подчиненных пресуппозиции смыслов. В этом плане предположительная частица является знаком для адресата. Говорящий при помощи модального средства дает знать, что имеются причины, существование которых заставило его отказаться от констатационного способа изложения собственной точки зрения, избрать другую форму выражения мысли. Данные причины в качестве речевой пресуппозиции включаются в диктум модально-квалификативного высказывания. Факт их существования доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется на них.

Список литературы

1. Панфилов В.З. Грамматика и логика (Грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения). М.: АН СССР, 1963.
2. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М.: Наука, 1973.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд. иностр. л-ры, 1955.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974.
5. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка (семантическая и грамматическая структура простого предложения). – М.: Изд. МГУ, 1971.
6. Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания. – 1971. – №1.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976.
8. Гак В.Г. О категориях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. – Калинин: Изд. КГУ, 1978.
9. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998.
10. Колосова Т.А. О диктуме и модусе в сложном предложении // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1979. – №2.
11. Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: АН СССР, 1988.
12. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991.
13. Шмелева Т.В. Диалогичность модуса // Вестник Московского университета. – Сер.9. – Филология. – 1995. – №5.
14. Коммуникативная грамматика русского языка / Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. / Под ред. Г.А. Золотовой. – М.: Изд. МГУ, 1998.
15. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. – Красноярск: Изд. КГУ, 1988.
16. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т.32. – 1973. – №1.
17. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд. МГУ, 1976.
18. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – Вып.8. – М.: ВИНТИ, 1977.
19. Lakoff G. Linguistics and Natural Logic // Synthese. – 1970. – v.22. – Nos 5.

THE SPEECH PRESUPPOSITION AT THE SENTENCES WITH PERSUASIVE PARTICLES

I.A. Nagorny

*Belgorod State
University*

e-mail: nagorny@bsu.edu.ru

The report explains the presupposition status of Russian particles in sentence. The description of semantic structure at the sentences with presupposition particles. The speech presuppositions of sentences with particles

Key words: Qualification, mental operation, presupposition, dictum, modus